

Вячеслав
ДЕНИСОВ

И плохой
хороший
МЕНТ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Юрьевич Денисов
Хроника двойного контракта

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245442

Плохой хороший мент; Хроника двойного контракта: Эксмо; Москва;

2001

ISBN 5-04-008010-7

Вячеслав Денисов

Хроника двойного контракта

Самолет с нужным мне человеком должен был приземлиться на летном поле аэропорта через двадцать три минуты. Так, во всяком случае, считали мои испытанные временем и дорогами «командирские» и светящееся табло «прилетов-вылетов» внутри здания аэропорта.

В очередной раз пройдясь мимо этого табло, я окончательно понял – задержки рейса не предвидится. Это хорошо. Хорошо тем, что через двадцать две минуты, не успев устать от ожидания, я «встречу» пассажира, прибывшего рейсом из Москвы, «довежу» по адресу, по которому он отправится прямо из аэропорта, сообщу этот адрес его жене и получу из ее рук ровно одну тысячу долларов США. За три дня обычной работы частного детектива это более чем внушительная сумма. Работа – обычная, да вот частный детектив я необычный. Необычный в том плане, что не являюсь сотрудником ни одного частного предприятия. Не плачу налоги, не отчисляю проценты в пенсионный и прочие фонды, предназначенные для того, чтобы человек, работая как лошадь, получал, как ишак. Не заключаю договоров и не имею своего штата сотрудников. Весь штат – это я.

Если рассматривать мой статус согласно буквы закона, то его можно определить более четко и понятно – я являюсь гражданином Российской Федерации, незаконно занимающимся частной предпринимательской деятельностью. Среди многих книг на моем столе в уютной комнате на окраине города лежит брошюра зеленого цвета. На ней золотыми буквами вытеснено – «Закон о частной охранной и детективной деятельности». Когда дела идут неважнецки и нечего делать, я начинаю вновь и вновь перелистывать страницы этой книжицы. Доходя до того места, где за незаконное занятие этой самой деятельностью мне начинают обещать различного рода неудобства, например, уголовную ответственность, я, вздыхая, бросаю на стол этот труд, подписанный самим Президентом. Черт возьми, неужели найдется такой умник, который сможет доказать мне, что я – частный детектив, причем – незаконный? Ответственность и чахлые права – да, есть. Нет главного – пояснения того, как, выполняя все требования этого закона, умудриться работать частным детективом. Вот когда пять лет подряд на столе в моем служебном кабинете лежал «Закон о Российской милиции», все было ясно и понятно. А если все-таки и там случались казусы, то их растолковывал «Закон об оперативно-розыскной деятельности», лежавший рядом. В нем черным по белому написано: депутатов и реальных шизофреников нельзя вербовать в качестве агентов, состоящих на оперативной связи. По вполне понятным причинам этого и не делалось. А что

мне делать сейчас? Настоящий, на мой взгляд, шизик, точнее – шизичка, завербовала меня, чтобы узнать – по каким законам Времени ее муж-депутат прилетает после сессий одним числом, а дома появляется только на следующий день. Я бы и без штуки баксов посоветовал ей взять своего народного избранника за его «мандат» и спросить напрямую – кому он его предъявлял прошедшей ночью. Но в этом я схож с детективами-законниками, которые ежемесячно отчисляют средства в фонд социального страхования, – я не даю бесплатных советов. А уж если благоверная депутата, брызгая слюнями, кричит тебе в лицо: «Сколько тебе надо, чтобы ты его блядь нашел?!» и лезет в карман домашнего халата, чтобы оттуда вытащить столько, сколько «мне надо», тут уж грех давать чисто дружеские советы. Поэтому я сейчас сижу в зале ожидания аэропорта и читаю газету, которую читает и мой сосед по лавке справа. Нет, я не против того, чтобы читать газету вместе, даже если купил ее – я, но меня тревожит то, что я читаю гораздо быстрее. Он, к примеру, не успеет сейчас дочитать статью, в которой говорится, что не мы должны будем Западу четырнадцать миллиардов долларов, а Запад нам *уже* должен четыреста. Так и улетит мой сосед в свою Алма-Ату, или как там сейчас – Алматы, необразованным...

Я в очередной раз посмотрел на часы. Вот-вот объявят о прибытии рейса. Протянув газету соседу, я ему посоветовал: – Спрячьте подальше билет, иначе самолет улетит без вас. Сосед не только медленно читал, он еще и медленно ду-

мал, если, конечно, за думку можно было принять его выражение лица. В этот момент оно мне напоминало лицо милиционера, которому предложили поучаствовать в конкурсе художественной самодеятельности.

– Я говорю, спрячьте билет. Он уже почти выпал из вашего кармана, господин Войновский...

– Откуда вы меня знаете?..

– Изучите все, что напечатано на вашем билете, и тоже будете знать свою фамилию.

Я встал и направился к стеклянным воротам внутри здания. Именно через них должен ступить на родную землю в очередной раз исполнивший наказ земляков депутат. Он же – потаскун и бабник. В этом нет ничего плохого, и я его в этом поддерживаю. Но если ты имеешь жену, которая способна вытащить из кармана домашнего халата тысячу долларов и этим заплатить за подтверждение твоей супружеской неверности, то нужно, парень, выкраивать время для блуда не за счет нахождения у семейного очага, а за счет сессий.

Через толстое стекло дверей было видно, как аэробус, приземлившийся минуту назад, заруливает на стоянку. Было еще время подумать о том, как хорошо будет с тысячей долларов в кармане приехать к Рите и еще раз попробовать вытащить ее в театр. Моя связь с этой девушкой была странной для меня самого. Кроме постели, я не смогу назвать ни одну из причин, которая бы могла нас связывать. Абсолютное отсутствие общих интересов, начиная от музыки и заканчи-

вая взглядами на политическую жизнь страны. Нет, конечно, мы не обсуждали в постели возможную отставку президента, но ее фразу «да, кстати, ты знаешь, что доллар опять подскочил» через пару минут после финальной сцены под простыней я всегда воспринимал как прелюдию к моей скорой импотенции. А там, где заканчивалась постель, для меня начинался ад. В ее квартире звучал рэп. Через полчаса прослушивания я переставал осознавать себя как личность. В свою очередь, Маргарита книгам предпочитала «Плейбой», «Лизу» и «Медведь». Она училась на курсах секретарей-референтов и свою дальнейшую карьеру рассматривала следующим образом: сначала – секретарь в какой-нибудь фирме, потом – секретарь в крутой фирме. Все. Короче говоря, ее интересы можно было сжать в триединую, но краткую формулу: рэп-секс-бакс. Мои же интересы явно выходили за эти рамки, и я бы никогда в жизни не познакомился с девушкой, носящей на голове бандану и красящей губы черной помадой, если бы не эта проклятая пьянка на дне рождения моего школьного друга Димки Баранова. Он, артист ТЮЗа, относился к той категории театралов, у которых двери дома открыты для всех. По этой причине приглашенные на праздник гости, кроме меня, разумеется, пришли к нему с теми, кого только могли привести. Среди «тех» и оказалась Рита. Я не любитель больших возлияний, но в тот вечер пришлось выпить много, и когда я наутро проснулся в кровати той, которую считал самой страшной на вечере, то не уди-

вился. Я удивился потом, когда увидел ее без этой спецназовской косынки, без черной помады и без всего остального. В таком виде она была бы нарасхват. Я не суеверный, но до сих пор не могу избавиться от той мысли, что она в тот вечер явилась для всех в таком ужасном виде, чтобы похитить меня, пьяного. Именно меня и никого больше. Да другие бы с ней и не пошли. Утром, через пятнадцать минут разговора, за которые мы, собственно, и познакомились, я понял, что пять лет разницы в возрасте ей не наверстать и к старости. Но среди всех недостатков, выдаваемых ею за преимущества, у нее был один, который меня раздражал. Она никогда бы не заплакала, читая «Алые паруса» или «Повесть о первой любви». Хотя в ее двадцать четыре года, при ее развитии, именно эти книги и надо было читать. Но она никогда бы не взяла их в руки по причине того, что это ей не пригодится в будущей жизни. Сейчас этой теории придерживаются все четырнадцати-пятнадцатилетние детки, поэтому, чтобы не обижать Риту и не называть ее дурой, я назову ее «переростком нынешнего поколения». Когда я разобрался, наконец, «ху» есть «кто», во мне взбесилось ущемленное самолюбие. Я, человек, получивший высшее образование с отличием, театрал и поклонник всего Великого, созданного на Земле до моего рождения, сплю с женщиной, которая тычет пальцем в картину Каземира Малевича, в его великий «квадрат», показанный по телевизору, и говорит мне: «Опять сосед за стенкой бреется – помехи пошли!» И тогда я решил –

в наказание за то, что ты общаешься с этой женщиной, ты, Виктор Ломакин, будешь трахаться с ней до тех пор, пока не сводишь ее в театр. Только так ты сможешь оправдать свое общение с милой девушкой по имени Маргарита! Надо сказать, что непосредственно наказание для меня наступало с того момента, где заканчивался секс. Уж что-что, а в искусстве любви она была непревзойденным знатоком! Это я могу сказать, как эксперт-специалист в этом вопросе. Но сегодня, я думаю, наступит развязка всего. Я выведу ее сегодня в «свет»! Каким образом? Очень просто. Я поведу ее в театр музыкальной комедии, туда, где с недавнего времени работает валютный бар. Заполнив перерывы между действиями «Сильвы» посещениями вышеупомянутого бара, я выполню данный мною обет с наименьшими потерями...

Заметив краем глаза подъезжающий со стороны летного поля автобус, набитый пассажирами, я еще раз глянул на фото своего объекта. Сейчас главное – его не прозевать, а дальше разберемся... Задача одна – выяснить адрес, на котором выпадает из времени и пространства наш герой, потом сообщить адрес его мегере, получить за работу деньги и отвалить.

С тех пор, когда задержки зарплаты в РУВД стали совпадать со всевозрастающим желанием нормально одеваться, есть и спать, передо мной встал выбор: либо я остаюсь на прежнем месте и теряю уважение к своей работе и, соответственно, себе, либо я обеспечиваю нормальную жизнь. Воровать – такое и в голову не придет нормальному человеку,

увольняющемуся из милиции. Стать адвокатом? В принципе идея нормальная, если учесть, что юрфак – за плечами. Да, когда-нибудь я обязательно им стану. Но не сейчас. Есть люди, с одной стороны – практичные, рассуждающие и одновременно не способные выйти за границу своих интересов и привязанностей. Их стремление двигаться, искать и находить проходит только с возрастом и никак иначе. Иногда эти люди, заматерев, незаметно для самих себя осаживаются, степенеют и успокаиваются, найдя искомое. Другие, из этой же категории, не успокаиваются долго, даже не стремятся обрести покой. Но и те, и другие будут заниматься и заниматься только тем делом, которое им по душе. Вот поэтому я стою сейчас в стороне, пропуская мимо себя радующихся благополучному перелету из Москвы людей, сфокусировав все свое внимание на высоком мужике в черном плаще.

Интересно, почему он не пользуется служебным... Ах, да, какой тут может быть служебный автомобиль депутата, если мы сначала – по бабам-с, а уж потом – к жене-с!.. Водитель служебного авто, извините, и «вложить» может. А это – как минимум – расцарапанная женой рожа, как максимум – недоверие и осуждение со стороны «верхней палаты»-с! Все правильно, он будет садиться в такси и – «еду, еду, к милой еду, к миленькой, да с ветерком...». Извини, старина, конечно, ничего личного, но «ветерок» я тебе сегодня, чуть позже, гарантирую.

Я пропустил его мимо себя и, не спеша развернувшись,

побрел к своей «Хонде», специально припаркованной так, чтобы с этого места на стоянке просматривалась вся площадь перед зданием аэровокзала.

Вставляя ключ в дверь своей старушки, я исподлобья наблюдал, как ни о чем не догадывающийся депутат энергично о чем-то договаривается с водителем-таксистом. Странно, но такое впечатление, что мой объект взволнован. Даже испуган. Когда он проходил мимо меня, это тоже чувствовалось – он обшаривал встречающих таким взглядом, будто боялся на кого-то натолкнуться... Может, мне показалось? Может быть, это стиль его жизни – возвращаясь из командировки, до смерти бояться жены, но, преодолевая этот страх, все равно карабкаться на любовницу? Вот, каскадеры... Они ведь тоже с обрыва прыгают не за одни только деньги! Мне, к примеру, сколько предложить нужно, чтобы я с обрыва прыгнул? Сколько еще не напечатано. Я за весь долг Запада перед Россией не стану прыгать. А им, понимаешь, душа требует!

Нет, старина, у тебя не этот страх, не желаемый. Он у тебя – вынужденный. Может, вы, заседатели, не тот закон у себя на сессии приняли, и ты теперь волнуешься за судьбу своих избирателей? Нет, вы всегда такие законы принимаете и никогда не волнуетесь. Ты боишься не «чего-то», ты боишься «кого-то»... Тогда почему не вызвал охрану? Потому что тогда тебе придется объяснять – зачем она тебе. А ты объяснять не хочешь – значит, это касается тебя одного. И так сильно касается, что ты, даже под страхом смерти, не хочешь

это оглашать.

А может, я просто «подгоняюсь»? Витя, ты же видел его жену... К такой жене можно возвращаться с улыбкой на лице?

Череду моих размышлений прервал водитель такси. Он нажал на клаксон, предупреждая идущих мимо людей о вполне реальной возможности переехать их ноги, и повез мой объект по дороге, ведущей в город. Я неторопливо прикурил, выждал, пропустив вперед еще одно такси, и тронул с места. Сильно «выпендриваться» своими оперативными навыками скрытого наблюдения не стоит. За рулем интересующей меня «Волги» – таксист, а не комбайнер. Он сейчас так «притопит» по трассе, что если ты, Витя, будешь «торговать» своим «хлебалом», то получишь не тысячу долларов, а порочащую тебя репутацию неудачника!

Надо сказать, что, несмотря на полное отсутствие регистрации меня как частного детективного предприятия, я имел свой Устав. Он не был обнародован, но все его положения я выполнял неукоснительно. Может быть, поэтому я интересовал нуждающихся во мне людей сильнее, нежели мои узаконенные конкуренты. Хотя конкурентами их назвать можно было только с большой натяжкой. Наши пути за полтора года ни разу не пересеклись.

Ну, вот и догонялись!..

Из кустов, расположенных метрах в двустах прямо по курсу, не торопясь, вышел гаишник. Появился с таким видом,

будто вышел погулять и совсем не собирается останавливать «Волгу» и приклеенную к ней «Хонду», мчавшихся со скоростью... С какой там скоростью?

Я глянул на спидометр. Действительно, есть о чем ему с нами поговорить...

Самое плохое в этой ситуации не то, что придется прощаться с сорока рублями, а то, что, взяв такую же сумму с таксиста, он отпустит его и неторопливо начнет свой важный разговор со мной. Пока я буду играть с ним в «дачу взятки должностному лицу», а он будет отказываться, мой объект уедет очень далеко.

Подходя одновременно с таксистом к старшине, я подумал: «Сейчас первым делом будет – «почему нарушаем?»»

– Почему нарушаем? – спросил старшина.

– Извини, командир, задумался! – первым, естественно, ответил я и полез в карман куртки. – Сколько с меня?

– Документы.

Некоторые думают, что если на вопрос «который час?» ответить «паровоз», то это сразу вызывает к ним уважение. Чтобы не разубеждать старшину в этом, я поступил по его же принципу.

– Старшина, дорогой, у меня жена рождает, а я обещал присутствовать при родах! Я штраф на месте уплачу, квитанции не надо!

Принимая от меня деньги, старшина обратился к таксисту, который сиротливо стоял в стороне и производил в уме

несложное арифметическое действие. Вычитание.

– А у вас кто рождает?

– Да вот... – замялся таксист, вынимая из поясной сумки деньги. – Клиент торопится. Депутат...

– На самом деле? – удивился старшина. – Я слышал, что их всех на «Волги» пересадили, но не знал, что на таксишные. Ну, раз – депутат, тогда езжайте. Только больше не нарушайте.

Довольные по разным причинам, мы с таксистом разошлись по машинам.

Через минуту, глядя на свой спидометр, я убедился в том, что таксист с моим «объектом» не вняли предостережениям гаишника и продолжают нарываться на неприятности. Но меня сейчас волновало не это, а белая «Тойота», следующая за мной с таким же отрывом, как я – от «Волги». Когда мы беседовали с гаишником, она нас не обогнала, а остановилась метрах в трехстах. Лишь только мы тронулись с места, она последовала за нами. Вне всяких сомнений – они делают то же, что и я. Но с какой целью? Пасти меня – для этого совсем не нужно ехать в аэропорт. Значит – депутат?..

Мои бывшие братья по оружию так откровенно не работают. Это не «наружка». Братва? Очень даже может быть.

Так, въезжаем в город... Где живет возлюбленная моего депутата? Ага, оказывается, она живет в южной части города, если только таксист не повез мой «объект» по привычке самой длинной дорогой. Впрочем, «по деньгам» они навер-

няка уже определились, так что экскурсия по достопримечательностям города вряд ли получится. Та-а-ак... А вот и началась моя бывшая «подшефная» территория. Здесь я начал работать в уголовке, здесь же и закончил. Может, я даже знаю ту особу, в которую выпускает пар сессионных заседаний мой депутат?

Я посмотрел в зеркало заднего вида. «Тойота», теперь уже без сомнений – «Корона», ехала за нами, как трамвай по рельсам. Преодолевая нарастающее чувство тревоги, я попытался себя успокоить. Скорее всего эта мегера-жена решила подстраховаться и послала в аэропорт еще кого-нибудь. А то, не дай бог, этот детектив, то есть я, лоханется и упустит ненаглядного. Кто знает, может, эта «сессия» у мужа – последняя. Выразят, скажем, ему недоверие, или – отзовут. И останется неразгаданной загадка: что за стерва крала его на сутки в течение полугода?

Сворачиваем во дворы...

Так... Подъезд... Я напряг память, вспоминая, кто из жителей этого подъезда мог заинтересовать Александра Олеговича Шкурко своими выдающимися сексуальными способностями. На ум приходила одна Митрохина – сорокалетняя алкоголичка, которая в последний раз имела контакт с трезвым мужиком, пожалуй, в тот год, когда американцы вторглись во Вьетнам. Оп!.. Неужели – Верочка Маршукова?! Точно! Она, зараза!..

Шкурко с таксистом не рассчитывался, значит – распла-

тился в дороге. Я проводил его взглядом до подъезда и вышел из машины. Не успев хлопнуть дверью своей «Хонды», я услышал звуки, которые не спутаю ни с чем. Эти звуки раздались в подъезде, в который зашел депутат Шкурко. Выстрел. Выстрел. Пауза. Выстрел.

Пока я соображал, что происходит, из подъезда выбежал человек в черном джинсовом костюме и на ходу заскочил в белую «Тойоту-Корону», которая проезжала мимо меня. Через секунду машина исчезла за домом.

Когда, наконец, до меня дошло, что Шкурко убит и я стою в двадцати метрах от подъезда, где это произошло, когда я понял, что таксист уже уехал, что на «Тойоте» не было номеров и что я один, как дурак, стою на своей «Хонде» посреди двора, в котором уже поднялся «кипишь», тогда я принял единственно верное решение. Я сел за руль, выключил двигатель и стал ждать.

* * *

– Ну, ты хоть номера-то запомнил, Витя? – почти плача, расспрашивал меня Серега Смыслов – оперативник из моего РУВД.

– Не было номеров. Белая «Тойота Корона» – все. Могу дать номер такси, если хочешь...

Я сел на капот своей машины. Настроение было ни к черту. Во-первых, жаль потерянного времени, во-вторых, мож-

но попроситься с тысячей баксов. Убиенного и его жены я как-то не жалел. Пять лет работы в розыске напрочь отбивают подобные чувства. И потом я знал: депутатов просто так, за неисполнение наказа избирателей, не убивают. И их жены не от нужды великой нанимают детективов для выявления побочных половых связей своих мужей. За тысячу долларов... Скажи я сейчас Сереге об этом, он, наверное, охерет или дар речи потеряет, что, впрочем, одно и то же.

– Вить, ты сам-то как здесь оказался? – Смыслов подошел и жестом попросил закурить. И тут же – второй вопрос, подчеркивающий необязательность ответа на первый: – Как машинёха? Бегает еще?

Серега всегда проигрывал в разговорах из-за элементарного неумения вести их. Если хочешь что-то узнать, зачем задавать несколько вопросов, не связанных между собой по смыслу? И я ответил:

– Если бы не бегала, как бы я с ней здесь оказался? Кстати, кто потерпевший?

– Устанавливаем...

– Давайте... – Я равнодушно вздохнул. Нужно было ехать к жене Шкурко и приносить свои соболезнования. Деньги я не возьму, даже если она будет мне их насильно совать. Во-первых, не выполнена работа. Хотя и из-за так называемых форс-мажорных обстоятельств. Такое со мной происходит впервые за полтора года. Были, конечно, неудачи, рекламации, были... Но чтобы мой объект таким образом убирали

перед самым моим носом – такого еще не было!

– Я поехал, Серега.

– Молодец, Вить, что остался и дал показания. Мог ведь бы и не давать. Помнишь старую дружбу.

– Сергей, я остался здесь не потому, чтобы помочь следствию своими ничего не значащими показаниями и не по старой дружбе. Я остался только потому, что моя уезжающая со двора машина после выстрелов запомнилась бы и номерами, и цветом. А после «перехвата» объяснять все простой случайностью очень трудно. Я, бывший сотрудник милиции, слышал выстрелы, видел киллера, машину, на которой он скрылся, после чего стал скрываться сам. Умно? Нет. Пока.

...Отъехав от злополучного места два квартала, я припарковал машину около малопримечательного по нынешним меркам кафе. Нужно было все обдумать и попытаться расставить по своим местам. Помимо червячка голода, мой организм точил еще один червячок. Что-то мешало моей уверенности в том, что события на этом заканчиваются и пора искать новое дело.

Заказав порцию съедобных пельменей и чашку растворимого кофе, я, убивая время, принялся рассматривать настенные достопримечательности. По мнению хозяев этого заведения, то, что висело на стенах, должно было подчеркивать особую значимость кафе. Репродукции с картин Репина, Рериха и Петрова-Водкина как бы определяли необходимый уровень развития посетителей кафе. Дизайнер, очевидно,

лепил что-то типа клуба по интересам. Есть клубы ковбойские – туда ходят любители «кантри» в широкополых шляпах. Есть клубы геев. И туда понятно кто ходит. А вот, понимаешь, у нас – клуб любителей живописи и всего остального прекрасного, что могут вызвать картины известных мастеров. К нам приходят голодные граждане, чтобы пожрать и приобщиться к вечному...

Я бы никогда не провел параллель между гейскими утехами и живописью, если бы не то, что было прибито – я не оговорился, – именно прибито к стенам этой забегаловки. Понятно, что стиль письма Петрова-Водкина отличается своеобразностью, но желание местного «художника» видеть мир глазами этого живописца лично меня приводило в содрогание. Ведь желать мало. Нужно еще и уметь. И когда я вижу на полотне пьяного «нового русского», пытающегося оседлать малинового кенгуру, или несколько «зомби», волочащих за собой двухъярусные тюремные нары, я понимаю, что из всех голодных приверженцев различных направлений в живописи, находящихся в кафе, один я с трудом угадываю в репродукциях «Купание красного коня» и репинский критический реализм в лице «бурлаков». И подбор тоже «соответствовал». Помните загадку: яблоко, груша, слива, ананас – что лишнее? Ананас. Потому что он один растет на земле. Остальные – на деревьях. А вот такая загадка – будильник, батарея, яблоко, картина. Что лишнее? Все...

Пельмени я так и не доел. Допивая кофе, который испор-

тить было трудно по причине того, что он – растворимый, я сделал для себя два вывода. Вывод первый. В этом кафе меня больше не увидят. Лучше умереть в музее. Вывод второй. Жене Шкурко о смерти мужа должен буду сообщить не я. Когда опера из управы выудят из кармана убиенного его депутатское удостоверение и приедут сообщить о трагедии его супруге, а вместо сгорающей от любви, истосковавшейся по мужской ласке женщины увидят уже состоявшуюся истерику, то они сразу выйдут на меня. А мне это нужно?

Подождем до вечера. Впрочем, обо мне она может разговариваться и сама, в ходе допроса. Ее может удивить тот факт, что я исчез, не сообщив ей ничего об убийстве.

Делать было нечего. Я вытащил из кармана куртки ее визитку и знаком подозвал официантку. Она подошла, и на ее лице застыло сомнение в том, что я хочу заказать еще одну порцию «пельменей сибирских с майонезом».

– Девушка, кто автор этих полотен?

Официантка посмотрела на стену, потом на меня, как на не умеющего читать.

– Там же внизу написано! Репин, Левитанов...

– Понятно. – Я положил перед ней один доллар – как залог будущего положительного ответа. – Можно, я от вас позвоню?

...Расположившись между засаленным баком и пирамидой пустых ящиков, я набрал номер телефона Шкурко. Стараясь не обращать внимания на интерьер подсобного поме-

щения и сосредоточив взгляд на визитке, частный детектив в моем лице стал читать.

– Президент футбольного клуба «Форт-Норд»... Шкурко Любовь Витальевна... Телефон рабочий... Телефон до...

Что?! Она – президент городского футбольного клуба?! Но там же президент – Якушев! Минутку... Когда я с ним последний раз виделся?... Три месяца назад. Да, три месяца назад. И он не выглядел человеком, готовящимся отойти от любимого дела... Да, это его рабочий телефон!

Наконец трубка промолвила:

– Слушаю.

– Любовь Витальевна, это Ломакин... Мне есть, что вам сказать...

Женщина всхлипнула.

Не понял?!

– Вам... уже сообщили?..

Опять началось буйство, в процессе которого я понял, что ошибся, она еще ничего не знает.

– Где эта стерва живет?! Он сейчас у нее?! Вот гад! Что ему не хватало, что?! Он всегда был бабником, всегда!!! Где он сейчас?..

– Любовь Витальевна, он сейчас... убит.

– Чт... Что?..

Так... Сейчас начнется... Сколько раз я видел эту реакцию. Вот только странно – известие по содержанию одно и то же, а люди реагируют на него – по-разному. Я видел мо-

ментально падающих в обморок, видел входящих в безумную истерию людей. Встречались и прецеденты философского отношения к случившемуся. Спокойно так – бог дал – бог взял... Реакция Шкурко была гибридом всего этого, вместе взятого.

– Как убит?! О, господи, ты что это говоришь?! За что?! О, господи!!!

Потом:

– Я всегда знала, что это плохо закончится для нас...

И, наконец, я услышал звук телефонной трубки, падающей на пол.

Очень! Очень хорошо ты сделал, Виктор Ломакин, что исполнил свой гражданский долг! Молодец! Не успев договориться о том, чтобы эта дама тебя не упоминала ни при каких обстоятельствах там, в милиции, ты успешно ввел ее в состояние комы! Молодец. Она как раз очухается к тому времени, когда приедут «Смыслов и компания», и на их вопрос, кто вам уже успел сообщить, она четко ответит – Виктор Ломакин, частный детектив и вот номер его пейджера! Поскольку Смыслов очень умный парень, он сразу станет искать этого детектива, чтобы задать ему каверзный вопрос: откуда, Вить, ты знаешь депутата Шкурко? Его жена говорит, что ты следил за ним, это правда? Бензин еще не подорожал?

Я повесил трубку, осторожно протиснулся между архитектурной композицией в подсобке и вышел в зал. Ко мне тут же подскочила довольная долларом официантка.

– Будете на выставку просить?

– Кого-чего просить? – Я все еще вертел в руках визитку и не соображал, о чем идет речь.

– Как чего? – в свою очередь удивилась официантка. – Картины! Вы ведь насчет них куда-то звонили?

– Ах, да! – усмехнулся я, вспомнив разговор с ней. – Ска-зали, чтобы вы поставили на каждую картину сигнализацию и ждали сотрудников музея. Они собираются приобрести у вас полотна за очень большие деньги.

Я все равно сюда больше не собирался.

Прокрутив в голове разговор с мадам Шкурко и почув-ствовав какую-то несуразицу, я решил поколесить по горо-ду, а через два-три часа явиться к ней. Вообще-то все это довольно странно... Муж – депутат, жена – президент фут-больного клуба. Жена, подозревая измену мужа, нанимает частного детектива. В момент истины ее мужа убивают на моих глазах. На глазах этого частного детектива. Убивают дерзко. Детектив сообщает об убийстве жене, и она падает в обморок, успев сказать, что он был бабником и что это все могло плохо закончиться... Стоп.

Я включил правый указатель поворота и резко свернул к тротуару.

О том, что он был бабником, Шкурко сказала до того, как я поведал ей о кончине мужа. «Был бабником...» Почему – «был»?.. Она сказала о нем, в ее понимании – живом, в прошедшем времени! Нет, не может этого быть... Я даже не

хочу об этом думать, потому что сразу пойму, какая роль мне уготована в этом спектакле!

Еще не осознавая, что делаю, я рванул «Хонду», как мотоцикл, с места и помчал к дому Шкурко.

Вот-те раз!.. Это что еще за фокусы?

От обочины оторвалась синяя «восьмерка» и стала нарушать те же правила дорожного движения, что и я. Ошибаюсь? Сейчас посмотрим. Выведя машину на середину дороги, я сбросил скорость и включил левый поворот. Водитель «восьмерки» сделал то же самое. Может, ему тоже нужно попасть в тупик на улице Свердлова? Почти начав движение налево, я круто вывернул руль и свернул направо, в переулок. Если это официальная «наружка», то «восьмерка» уедет влево и на глаза мне сегодня уже не покажется. Они «засветились». Он просто «передает» меня другому экипажу, который наверняка в общей колонне с нами. Но «восьмерка» поступила так же, как я, то есть сделала то, за что водителя, ведущего машину по оживленной трассе города, нужно просто убивать – с включенным левым указателем поворота она круто свернула вправо. За мной.

По крайней мере, теперь ясно, что меня пасут не бывшие братья по оружию... Тогда кто? Братва? Я стал вспоминать, кому из этого племени за последнее время успел перейти дорогу. После мысленного разбора своих последних дел, в ходе которого мне удалось на «Хонде» проехать через школьный двор, несколько дворов жилых и попасть в частный сектор,

догадка пришла сама собой. «Дело» депутата Шкурко.

Я чувствовал, что завожусь. За тысячу так и не полученных долларов терпеть унижение преследования от идиотов, которые даже кошек переезжают тех же, что и я?!

Моя «Хонда» буквально вылетела с пыльной улицы, тянущейся вдоль частных домов, создав своеобразную дымовую завесу. Выехав на асфальт, едва не зацепив какую-то иномарку, я снова заскочил в частный сектор и свернул к ограде дома под ветвистым деревом. По-моему, это была старая яблоня. Я оглянулся назад, немного подождал и как только мимо меня, по трассе, визжа проворачивающимися от резко взятой скорости колесами, проскочила синяя «восьмерка», выехал на дорогу и направился в другую сторону. Для верности попетлял по дворам и остановился.

Ни хрена себе, дела!..

Немного успокоившись, я выбросил в окно докуренную сигарету. Ничего, бесконечно это продолжаться не будет. Попасут и перестанут. Но почему? Зачем кому-то знать, что я делаю после того, как уехал с места убийства? Если бы меня хотели убрать, то убрали бы давно. Без этой дурацкой слежки. Значит, пока я должен радоваться тому, что ничьим «заказом» не являюсь. Как мало нужно человеку для счастья!.. Просто одно – чтобы его не убили. Мне, действительно, этого было мало. Какие-то быки – я даже не знаю какие, «завели» меня! Я что, так похож на лоха, чтобы со мной можно было играть?! Ребята, за пять лет работы в уголковке на мо-

ем счету почти четыреста раскрытых преступлений! Я что, действительно похож на лоха?!

Зная себя и не раз ругаясь с самим собой из-за этого, я был просто уверен в том, что теперь только потому, что кто-то счел нужным со мной поиграть в «подкидного дурака», я в сторону не «отъеду». По мнению этих быков, в роли «подкидного» выступил Шкурко, а в роли «дурака» – я. Не согласен.

* * *

– Витька, друган! – заорал Баранов, едва я успел перешагнуть порог его гримерной. – Ты куда пропал? Мне вчера после премьеры преподнесли бутылку настоящего «Наполеона»! Заходи, садись и доставай из вон того шкафа рюмки!

– Дети преподнесли? После «Красной Шапочки»?

– Ну, ты даешь! – хохотнул Дима. – Все тот же неугомонный шутник. Какие дети?! Средства на спектакль выделил один из «новых». У них сейчас мода такая – как освободятся, так сразу начинают благотворительностью заниматься. Детям, инвалидам... Витька, скажи честно, они там что, огромные бабки заколачивают, что ли?! Я слышал – с голоду мрут! – Баранов уже доставал рюмки и заветную бутылку. – Так вот, он освободился, спонсировал премьеру, а после спектакля всем вручил по бутылке «Наполеона».

– Спасибо, Дима, но мне твой коньяк не пойдет.

– Почему не пойдет? – удивился Баран, не понимая, что я имею в виду. – Он же настоящий, не польский!

– А вот так. Не полезет он в меня.

– А водка? – слукавил он. – *Моя водка?* Полезет?

– Обязательно полезет. Но только сегодня вечером. Я переночую у тебя. Не против? – Я достал из кармана ключи от «Хонды» и бросил ему на столик.

– Конечно, нет, – ответил Баран, глядя на ключи. – Если только приставать не будешь... Я так понимаю, что ты и «копейку» мою угнать хочешь?

– Да. Оставляю под твоим присмотром свою «старушку». Заправь только...

– А капремонт не сделать?..

– Как хочешь. Тебе ездить.

– Постой-постой... Это на сколько мы опять машинами меняемся?

– Не знаю, – честно признался я.

– Опять твои детективные мероприятия? Прошлый раз крыло помял? Помял.

– Больше не помну, – в который раз пообещал я. – Если только в ней дырок не наделают...

Баранов безнадежно махнул рукой в мою сторону и предупредил:

– Разобьешь – отдашь «Хонду».

– Ты всегда так говоришь...

– А ты никогда и не отдаешь!

– Ладно, Дима, жди меня дома. И не вздумай опять с девками запираться и делать вид, что тебя нет! Иначе опять стану дверь ломать!

– Иди, Ломакин, не порти мне предвыпивочное настроение...

За машиной, несмотря на ее древность – итальянская сборка семьдесят шестого года, – Баранов следил, как за любимой женщиной. Завелась она быстрее «Хонды», и вскоре я подъезжал к стадиону «Динамо» – месту тренировок и игр футбольного клуба «Форт-Норд». Здесь же, естественно, располагались и основные офисы. Кабинеты президентов клуба, начальников команд, главных тренеров и тому подобное...

«Мерседеса» Якушева на стоянке не было, зато я увидел... белую «Тойоту-Корону», к которой невысокий парень в костюме «найки» прикручивал номера. Да, она стояла на стоянке у стадиона и делала вид, что ее нет!..

Как часто со мной случалось в момент истины, то есть в ту секунду, когда в кармане нет ни рубля, но ты уже чувствуешь, как в него опускают банковский «пресс» долларов, между ребрами и желудком я почувствовал короткое: ёк! Это тот самый момент, когда на допросе жулик «прокалывается», но еще об этом не знает, а сыщик чувствует, что «прокол» произошел, но не может понять – где.

Ну, разве это не «ёк!», а? Сегодня утром был убит мужик-депутат, жена которого является президентом футболь-

ного клуба, на стоянке которого спокойно паркуется машина, в которой скрылся с места убийства преступник.

Парень закончил свой интеллектуальный труд, поднялся с колен и посмотрел в мою сторону. Спасибо тебе, Баран, за твою тонировку «копейки»! Благодаря ей я чувствую себя сейчас, как в гараже. Парень не видит не только того, кто сидит за рулем, но и сам руль.

Тем временем владелец костюма «найки» деловито попинал колесо «Тойоты» и, вытирая тряпкой руки, направился в сторону офиса. Интересно, кто он в команде? Нападающий? Полузащитник? Или помощник главного тренера?

Пока я записывал номер «Тойоты», глядя одним глазом в блокнот, а другим – на дверь офиса, над которым красовалась довольно красивая по моим меркам табличка – «ФК «ФОРТ-НОРД», мерзко и пронзительно запищал пейджер.

Кому это я понадобился?

Наверное, это сообщение от Барана, который возмущен тем, что в «Хонде» сухие баки. Но я же не виноват, что бензин закончился прямо перед ТЮЗОМ...

Нет, это был не Баран. Сообщение – «СРОЧНО ПРИЕДЬ КО МНЕ. ШКУРКО.» – мне, без всяких сомнений, послала Любовь Витальевна. То есть она, наверное, имела в виду – срочно приедь ко мне, а то тебя тут заждались люди из ФСБ... Так, ну и что делать? А какая, собственно, разница, когда я к ней приеду – сейчас или завтра, или послезавтра? Хорошо, Любовь Витальевна, я приеду, но сначала – найду

Якушева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.